

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОННОТАЦИИ

В.М. Никонов

Кафедра современного русского языка и методики его преподавания
Липецкий государственный педагогический университет
ул. Ленина, 42, Липецк, Россия, 398020

В статье проанализированы и сделаны попытки разрешения ряда спорных проблем, связанных с коннотацией, ее микрокомпонентами, их языковой и речевой природой, гибкой иерархической выстроенностью, детерминированной актуализацией и прагматическими факторами.

Проблемы коннотации единиц разных уровней в последнее время затрагиваются в свете новых исследовательских парадигм. В ряде фундаментальных трудов частные вопросы обязательно вовлекаются в сферу глобальных общетеоретических проблем, касающихся спорных аспектов коннотации, ее составляющих.

Среди многих удачных попыток проанализировать материал с новых позиций мы находим развитие, углубление идей отдельных авторов, плодотворность которых наглядно подтверждается на сопоставительно-контрастивном уровне.

К числу сложных как в теоретическом, так и в прикладном планах относятся вопросы о количестве микрокомпонентов в составе макрокомпонента коннотации, взаимосвязи их, способах экспликации при помощи компонентного анализа и, как дающего наиболее надежный результат, — синтеза, без которых трудно разрешить многие проблемы, связанные с ингерентными или адгерентными характеристиками тех или иных микрокомпонентов коннотации. Ср.: «Эмоции представляют собой тот вид выражения чувственного отношения человека к действительности, который характеризует процесс восприятия мира» [8. С. 14] и «Экспрессия мироотношения и психической энергии может также выражаться при помощи **вопля** — очень громкого, но лишённого интеллектуально-словесной дискретности выражения эмоций [19. С. 42].

Как видим, и в первом случае (в анализе филолога), и во втором — (в осмыслении философа) по-разному стратифицируются границы между эмоциональным (эмотивным) и экспрессивным. Второй пример иллюстрирует их синкретичность.

Далее. Как соотносятся эмоциональное и экспрессивное в плане язык/речь? Могут ли и там, и там путем семного анализа и синтеза быть выявлены черты, которые можно было бы обозначить элементом ГЕННЫЕ (эмоциогенные, экспрессиогенные — В.Н.)?

До сих пор ряд ученых-лингвистов дает противоречивые ответы.

Так, говоря об эмоциях, И.Г. Кошечкина пишет: «Но поскольку эмоции — это обязательная составная часть процесса восприятия, то они должны иметь свое выражение и в языке, и в речи. В языке формы этого выражения, естественно, носят стабильный характер, проявляясь через свойственные языку структурные модели с эмоциональным наполнением. В речи формы выражения эмоции, напротив, утрачивают свою стабильность и приобретают характер экспрессивности, которая передается не структурной моделью, а интонационно или орфографически. Итак, эмоция и экспрессия, относясь к сфере чувственных процессов, регулирующих жизнедеятельность человека, входят в различные уровни языкового абстрагирования. Эмоции принадлежат системно-языковому уровню, а экспрессии — индивидуально-речевому...» [8. С. 14].

Как видим, в сущности, все основные микрокомпоненты коннотации, представленные в данном широком и необходимом здесь контексте, выстроены достаточно аргументированно.

Однако на этот счет у нас имеются свои координаты рассмотрения языкового/речевого материала. Это аргументация, относящаяся в первой части цитаты к сфере эмоций как обязательной составной части процесса восприятия, и вывод об обязательности их выражения в языке и речи. Интерпретирование эмоционального и экспрессивного с учетом только процесса восприятия без порождения, связанного с прагматикой, вербальными и невербальными средствами, в одинаковой степени относящимися и к экспрессивному, и к эмотивному фактам, на наш взгляд, приводит к необоснованному отказу и ингерентности применительно к экспрессивности.

Как для теоретической упорядоченности терминосистемы, связанной с коннотацией и ее составляющими, так и для практики преподавания языкознания и смежных с ним дисциплин важно разделить понятия **эмотивность (эмоциональность)** — **аффективность** — **экспрессивность**, до сих пор недифференцированно применяемые в трудах даже известных ученых.

Подобное смешение других понятий **аффект** — **аффективация** — **экспрессивизация** обнаруживаем у М.Я. Блоха, М.М. Суловой в работе «Аффект в речевом поведении» [2. С. 14—15].

Для обоснования, доказательности своей точки зрения нам представляется необходимым более полно привести предложенный названными учеными материал:

«1. Аффект — это кратковременное состояние предельного возбуждения человека, сопровождаемое утерей контроля над своей деятельностью. Аффект вызывается неблагоприятным для человека событием, с которым он неожиданно сталкивается. Такое столкновение происходит в условиях межличностного общения, накладывает глубокий отпечаток на речь говорящего».

В тезисе втором отмечаются две противоположные и противоречащие друг другу тенденции, характеризующие подобную речь. Словоформы **стремление**, **стремлением** употреблены асимметрично утверждению, важному для понимания конститутивного признака аффекта — сегменту дефиниции аффекта ‘...предельное возбуждение человека, сопровождаемое утерей контроля над своей деятельностью’ (конечно и безусловно — речевой — *В.Н.*). И первая тенденция — стремление к информационной избыточности, и вторая — к максимальному сжатию (компрессии) речи указывают как раз на определенную контролируемость, деятельный момент в использовании лингвистических и паралингвистических средств, кстати, «реализуемый за счет исключения из области вербализации всего того, что прямо не связано с отражением источника возбуждения».

Третий и четвертый тезисы вмещают в себя, с одной стороны, точные характеристики аффективной речи, а с другой — подводят нас и к понятиям **аффектация** (**аффективация**), и, в большей степени, **экспрессивизация**, коль речь идет об использовании специальных приемов, которые связаны именно с экспрессивностью.

Добавим, что в анализируемой нами работе косвенно нашло отражение несколько некорректное смешение терминов **аффект** — **аффектация** — **аффектированный**, которые отличаются параметрами бессознательное/сознательное, «деланное». Ср. дефиниции этих терминов у Л.П. Крысина [10. С. 103].

Именно эти две ипостаси языковой личности представлены в работе М.Я. Блоха и М.М. Сусловой. Применительно к подчеркнуто выделенной нами второй стороне изучаемого явления можно говорить и как об аффектации и способах ее вербального и невербального выражения, а также, имея в виду близость эмотивного и экспрессивного, — об экспрессивизации речи, что, конечно, элиминирует константные признаки аффекта и его языкового отражения.

Эта сторона исследования дает основание для анализа «соответствующих отзывных реплик», о которых говорят авторы в тезисе четвертом. Данный факт подчеркивает важность возвращения к вопросу о языковой личности, условиях проявления ею разной степени эмоциональности с ее бессознательной или прагматически ориентированной адресацией. К данному случаю можно отнести понятие «рефлексивы» в версии И.Т. Вепревой: «Главным признаком языковой личности является наличие **языкового сознания** и **языкового самосознания** (выделено нами — *В.Н.*). Языковое сознание в лингвистике последних десятилетий обычно отождествляют с языковой картиной мира, со стратегией и тактикой речевого поведения. Осознание же своего языкового поведения (что отсутствует у человека в состоянии аффекта — *В.Н.*) и есть языковое самосознание...» [4. С. 26—27].

В нашем случае рефлексивы, помимо отмеченной И.Т. Вепревой роли, являются сигналом состояния одного из участников коммуникативного акта, и, в зависимости от этого, его интенции строить или не строить диалог с партнером.

В чем нам, собственно, видится заметный переход от аффективного к экспрессивному и, более широко, к сознательному коннотированию речи, включающей и оценочность, и эмоциональность, и экспрессивность, и образность?

«Эмоциональная напряженность аффективной речи находит систематическое отражение в акцентно-выделяющем употреблении фразеологизмов (ср. коннотативную характеристику их, данную В.М. Мокиенко в 1996 г.), в широком использовании синтаксических параллелизмов (а для этого нужна высокая лингвистическая компетентность и осознанность в выборе языковых средств — *В.Н.*), в обильно представленных повторах разного уровневого статуса (от фонемы и морфемы до диктемы)».

Важным представляется нам и тезис четвертый, который тоже может быть интерпретирован и с точки зрения научной квалификации явления, и в плане прикладного применения.

Этот тезис важен в нескольких отношениях. Бесспорно, в нем и утверждение об огромном общественно-воспитательном значении, и другие моменты.

Отметим, что собственно в чистом виде аффективная речь часто и не предполагает «отзывных реплик» во избежание конфликтности с человеком, находящимся в особом состоянии. Чаще приходится говорить в таких случаях о речи экспрессивной, нацеленной на непосредственное воздействие на адресата и сопровождаемой разного рода рефлексивами. См. в этой связи [4. С. 26—27 и др. стр.].

Продолжая интерпретацию привлеченного для исследования материала, сошлемся на рассуждения А.А. Леонтьева о соотношении эмоционального (в том числе аффективного) и экспрессивно-оценочного аспекта значения:

«В связи с понятием макро- и микросистем снова встает проблема аффективной или эмоциональной окрашенности слова. Обычно эмоциональная окрашенность смешивается с экспрессивно-оценочным аспектом значения. Это едва ли правомерно. Экспрессивно-оценочный аспект значения входит в макросистему; это как бы дифференциальный семантический элемент, возникающий как следствие определенной категориальной отнесенности (и соответственно — противопоставленности) данного значения и обычно закрепленный в морфемной структуре (*дом — домишка — долище*) или в различии фонемного состава слов (*лицо — морда*). Эмоциональная окрашенность отсутствует в макросистеме; она входит только в микросистемы...».

Развивая мысли об аффективной окраске слова, А.А. Леонтьев пишет:

«Необходимо подчеркнуть, что аффективная окраска употребления слова ни в коей мере не может отождествляться со смыслом. В цитированной статье А.Н. Леонтьева приводится замечательный пример расхождения смысла и аффективной окраски...» [12. С. 173—174].

Не утратили своей актуальности суждения известного германиста, лексикографа В.Д. Девкина о том, что, действительно, экспрессия создается в речи, но ученый говорит и о фондовых экспрессивных средствах на уровнях лексики (и, безусловно, связанной с ней грамматики — *В.Н.*) и фразеологии. См. подробнее об этом [14. С. 133].

В лингвистических трудах последнего времени эта «фондовость» экспрессии подтверждается и имплицитно, и эксплицитно разными способами, путем обращения к различным и, казалось бы, минимальным единицам языка типа

морфемы. Однако диалектика рассуждений строится так, что становится очевидным и убедительным материал, на основе которого возникает, в сущности, целостная и непротиворечивая концепция, что наблюдаем у Г.П. Мельникова.

Коннотациями через значение, значимость, смысл, по мнению Г.П. Мельникова, обладают морфемы и «непосредственные, ассоциированные с ними „воздействователи“ на компоненты внеязыкового мыслительного содержания — на смыслы. Такими „воздействителями“, посредниками между морфемами и смыслами, являются значения морфем».

Если именованный таким простейшим образом смысл становится, в свою очередь, средством намека на последующий („дальнейший“), развивает далее идею трансноминации и когноминации через природу грамматических значений Г.П. Мельников, то он тем самым в процессе номинации превращается в дополнительное звено *внутренней* формы, т.е. в дополнительное звено ассоциаций между элементом внешней формы (морфемой) и тем *конечным, актуальным* именуемым смыслом, тем фрагментом сознания, в качестве знаков которого выступают именуемые морфемы» [13. С. 102—103].

Эти плодотворные и во многом еще не получившие дальнейшего развития идеи все чаще и по разным обстоятельствам, в русле различных лингвистических парадигм находят отражение в трудах ряда исследователей.

Приведем несколько примеров.

1. Об о-смысленных (наделенных смыслом как коннотацией) аффиксах говорится в ЛЭС: так, наряду со структурными А. выделяются «б) экспрессивные, или эмоционально окрашенные (ср. уменьшительные, уничижительные или А. с пейоративной оценкой)...» [11. С. 60].

«На основе авторской концепции существования семантических связей между разными значениями одной и той же приставки и закономерного их развития от прямого пространственного значения» на основе соотношения денотативного и коннотативного детально и тонко «описаны значения русских глагольных приставок» Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой [5].

2. В сущности, по-своему, но через такой фрагмент сознания, как приставка, наделенная смыслом, через понятие «сценарий» М.А. Кронгауз выходит на текст с его умноженными смысловыми (коннотативными) параметрами и на несоизмеримо больший фрагмент сознания. См. в этой связи [9].

Любопытно то, что, рассматривая **внутреннюю форму слова**, он связывает ее с коннотацией (ср. у Г.П. Мельникова без терминологического обозначения коннотации, но с выходом на нее через «дополнительное звено ассоциаций» — В.Н.): «Тем не менее внутренняя форма, как и коннотация, может обыгрываться в текстах и влиять на употребление слова» [9. С. 140]. Понятие **коннотации** дифференцируется: «Обычно **коннотацией** называются дополнительные элементы значения определенного типа — экспрессивные, стилистические, оценочные» [9. С. 138].

Соглашаясь в основном с перечисленными микрокомпонентами коннотации, мы бы как обязательный включили и образный компонент, связывающий и экспрессивный, и эмоциональный (эмотивный) компоненты в текстовых (особенно поэтических) условиях.

Ингерентный характер коннотации как языкового явления (в отличие от адгерентного, соотносимого обычно с речью, с функцией-реализацией (функционализацией)), можно подтвердить и с точки зрения философской науки. Оказывается, что лингвистические знаки — это знаки особого рода, знаки знаков, уже связанные со смыслами (т.е. наделенные потенциально смыслообразующими микрокомпонентами коннотативного макрокомпонента значения), особенно проявляемыми в структуре концептов.

Следовательно, в формировании концептов с их глобальным смыслом и микросмыслами большую роль играют не только генетическое, но и семантическое наследие:

«Такое допущение имплицитно, что наряду с физическим, генетическим наследием индивид приходит в этот мир со свойственным ему *семантическим наследием*, своеобразной изначальной, фундаментальной структурой смыслов, которая позволяет индивиду воспринимать и концептуализировать мир, его объекты-знаки, до усвоения, введения языка...» [15. С. 68—69].

Говоря о трудностях, возникающих при определении количества и соотношения коннотативных сем в макрокомпоненте коннотативного значения, отметим, что даже в рамках одной лингвистической школы наблюдаются существенные расхождения.

Ср. выделение (параллельное) экспрессивных и эмоционально-оценочных компонентов значения слова в совместной работе О.В. Загоровской и З.Е. Фоминой [6. С. 31—40] и широкое понимание эмоциональных компонентов значения слова (с элиминацией безусловно сопутствующего им экспрессивного компонента у И.А. Стернина [17. С. 52—53 и др. стр., а также 16. С. 62]. И.А. Стернин аргументирует свой подход следующим образом:

«Иногда в значении слова выделяют экспрессивный компонент значения. Однако семная семасиология не подтверждает выделения экспрессии как отдельного компонента в структуре значения». Как нам представляется, подобное можно распространить и на другие коннотативные компоненты значения. По нашему мнению, экспрессия (точнее — экспрессивность — *В.Н.*) потенциально (как и эмоциональность, эмотивность, образность) может содержаться не только в самом слове, но и в морфеме. С концепцией И.А. Стернина, действительно, можно согласиться в той ее части, что «экспрессивный компонент не может быть отдельно выделен в слове *в противопоставлении какому-либо другому компоненту* (выделено нами — *В.Н.*). Экспрессивность выступает и как генератор образности, она же нераздельно сосуществует с эмоциональностью (эмотивностью), создавая под влиянием тех или иных факторов «эмоционально-экспрессивную рамку высказывания». Во всех подобных случаях в разной степени эксплицитности представлена и оценочность, которая может и продуцировать другие микрокомпоненты коннотативного макрокомпонента, и вместе с тем завершать ансамбль этих микрокомпонентов особенно в текстовом (а еще в большей мере дискурсивном) функционировании.

В самом деле, конкретные прагматические факторы, актуальность, точнее — актуализованность употребления того или иного вербального феномена

в сочетании с паралингвистическими средствами в «реальном очевидном процессе пользования „языком“ при создании устных и письменных текстов и дискурсов с учетом ряда признаков, отмеченных А.В. Вдовиченко (коммуникативность, ситуативность и действенность), позволяют определить роль тех или иных микрокомпонентов коннотации.

Вне этих условий любой вербальный материал «становится искусственным и допускает применение произвольных теоретических схем...» [3. С. 254—255].

Необходимо отметить, что данные когнитивной лингвистики, бурно развивающейся в последнее время, обогатили наше представление о таком явлении, как коннотация, особенности ее проявления в дискурсе при многомерном его истолковании и сравнении с текстом. А обращение к синергетике языка, сознания и культуры позволило с позиции взаимодействия ряда наук выявить энергетические (экспрессивно-образные, эмотивные, оценочные) свойства языка в его функциональной ипостаси.

Более того, помимо теоретической составляющей, позволяющей по-новому взглянуть на традиционно рассматривавшиеся образные единицы языка, мы имеем возможность убедиться не только в привлекательности, но и в результативности подобных новаций в практике преподавания ряда дисциплин, в частности анализа текста с его лингвокультурологической стороны:

«Когнитивно-дискурсивное осмысление сущности вторичного семиозиса позволяет раскрыть внутреннюю синергетику знаков непрямого номинации (вторичного и косвенно-производного характера)», которые обычно справедливо связывают с порождением экспрессивности, образности и других микрокомпонентов коннотации. Выявляя далее синергетику образных единиц языка, Н.Ф. Алефиренко так дефинирует ее сущность: «Под синергетикой образных единиц языка мы понимаем взаимодействие нескольких факторов, исходящих от всех „участников“ вторичного лингвoseмиозиса, в результате которого происходит „слияние энергией“ (Н.А. Мышкина), их „совместное действие“ (В.А. Пищальникова), направленное на онтологическую и функциональную (ср. функцию-потенцию и функцию-реализацию, или функционирование по А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой — В.Н.) „самоорганизацию“ знака и определяющее его смысловую дистрибуцию в соответствующем дискурсивном пространстве».

Дискурсивный текст, по Н.Ф. Алефиренко, «действительно служит источником той энергии (образного напряжения, силы и интенсивности), в силовом поле которого рождаются знаки образной номинации» [1. С. 9—10].

Следует заметить, что «образное напряжение, сила и интенсивность» облигаторно связаны с такими другими микрокомпонентами коннотации, как экспрессивность, эмоциональность (эмотивность) и оценочность.

В связи с вопросом о том, что дает когнитивная лингвистика для теоретического и эмпирического взглядов на коннотацию, большое значение имеет оригинальный взгляд В.М. Шаклеина на устоявшуюся концепцию констант-концептов Ю.С. Степанова [18. С. 241—251].

Константность ключевых концептов русской культуры, безусловно, относительна. Они и количественно, и качественно динамично меняются: одни ак-

туализуются, другие лишаются прежнего смыслового наполнения, у них микроирирует коннотация, их функция рассматривается как vs. дисфункция.

Глубоко прав автор, делая вывод о том, что даже применительно к таким концептам, как **хлеб**, **земля**, **труд**, «ссылки на историческую память народа также нельзя принимать за безусловную истину».

Любопытна судьба новых и старых, отмеченных высоким ореолом концептов в трактовке В.М. Шаклеина. Наши экспериментальные данные в одной из дипломных работ студента-заочника убеждают в обоснованности интерпретации ученого, заставляющей трезво посмотреть на каноны русской традиционной ментальности.

Концепт, смысл (как коннотация) находятся (по В. Зусману) в следующем соотношении:

«В современном постмодернистском контексте не принято говорить о смысле. Между тем именно смысл в наибольшей мере раскрывает суть термина „концепт“. Смысл отличается от значения, поскольку он целостен, то есть имеет отношение к ценности — к истине, красоте и т.п.». Смысл не существует без «ответного понимания, включающего в себя оценку» [7. С. 4].

«Ответное понимание, включающее в себя оценку, дает все основания говорить о бифуркации или полифуркации смысла (коннотации) в таких концептах, как „размах“, „соборность“, „духовность“, „коллективизм“ [18. С. 250], что влечет за собой выводы лингвокультурологического, методологического и лингвометодического характера.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. — М.: Academia, 2002. — С. 9—10.
- [2] *Блох М.Я., Сулова М.М.* Аффект в речевом поведении // Актуальные проблемы прагмалингвистики: Тез. докл. науч. конф. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. — С. 14—15.
- [3] *Вдовиченко А.В.* Хаос в лингвистическом материале как проблема метода. Актуализация вербального феномена // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Индрик, 2003. — С. 254—255.
- [4] *Вепрева И.Т.* Рефлективы как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. Ред. Л.П. Крысин. — М.: Азбуковник, 2000. — С. 26—27.
- [5] *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993.
- [6] *Загоровская О.В., Фомина З.Е.* Экспрессивные и эмоционально-оценочные компоненты значения слова // Семантические процессы в системе языка: Межвуз. сб. научн. трудов. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. — С. 31—40.
- [7] *Зусман В.* Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. — 2003. — № 2. — С. 4.
- [8] *Кошевая И.Г.* Структурно-смысловые и пунктуационные особенности грамматики речи // Реализация грамматических категорий в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов. — М.: МПГУ им. В.И. Ленина, 1982. — С. 14.

- [9] *Кронгауз М.А.* Семантика: Учебник для вузов. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. — С. 138, 140.
- [10] *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — С. 103.
- [11] *Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г.* Аффикс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 60.
- [12] *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — С. 173—174.
- [13] *Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы, методы, модели. — М.: Наука, 2003.
- [14] *Никонов В.М.* Об экспрессивном фонде русского языка // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. — М.: ООО «Издательство „Эллипс“», 2006. — С. 133.
- [15] *Павилёнис Р.* О смысле и тождестве // Вопросы философии. — 2006. — № 7. — С. 68—69.
- [16] *Стернин И.А.* Значение слова как структура // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: Материалы V всероссийской научно-методической конференции / Под ред. проф. О.В. Загоровской. — Воронеж: Изд-во «Научная книга», 2004. — С. 62.
- [17] *Стернин И.А.* Контрастивная лингвистика. — Воронеж: Изд-во «Истоки», 2004. — С. 52—53.
- [18] *Шаклеин В.М.* Историческая динамика концептосферы русского языка // Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных трудов / Ред.-сост. А.Н. Щукин. — М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина; Филоматис, 2006. — С. 250.
- [19] *Щукин В.Г.* О диалоге и его альтернативах. Вариации на тему М.М. Бахтина // Вопросы философии. — 2006. — № 7. — С. 42.

THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS OF CONNOTATION

V.M. Nickonov

Department of modern Russian and technique of its teaching
Lipetsk Teacher Training University
Lenina str., 42, Lipetsk, Russia, 398020

The article deals with some controversial issues, connected with connotation in the framework of different linguistic paradigms, such as its components, its nature, its terminology. The work is of both theoretical and practical value.